

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811.161.1

Н.Д. Голев

ДЕРИВАЦИОННЫЕ АССОЦИИ РУССКИХ СЛОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

Статья посвящена проблемам деривационного функционирования русской лексики и его лексикографического описания. В ней представляется концепция «Деривационно-ассоциативного словаря русской лексики». В первой части статьи рассматриваются теоретические основания такого словаря, в заключительной части намечаются возможности его исследовательского использования.

Ключевые слова: деривационные ассоциации, деривационная лексикография, внутренняя форма слова, деривационно-ассоциативный словарь, лексико-деривационный контекст.

...Изучать в языке такие его элементы, которые несут на себе энергию языкового становления; уловить и представить себе в живом виде сам принцип потока сознания.

А.Ф. Лосев, 1982 [38. С. 457]

1

Отечественная деривационная лексикография имеет достаточно богатую историю², отражающую основные тенденции развития лингвистики в целом и словообразования, мотивологии и деривационной лексикологии в частности. Основные направления такого развития науки, на наш взгляд, связаны с тенденцией к функционализации словообразовательных структур и отношений, определенных в производных словах:

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

² См. обзоры и исследования работ в этой области: [1–6].

- направление погружения морфемике и словообразования в лексическую семантику, «запараллеливание» лексики и морфемике в производных словах (начало такой лексикографии положено в словаре В.И. Даля, в котором принцип гнездовой подачи слов явился одним из системообразующих для лексикографического описания лексики живого великорусского языка (в дальнейшем этот опыт был повторен в первых томах 17-томного академического словаря русского литературного языка (1961–1965)¹ [7]; в этом направлении, лексикография под воздействием синхронно-статического словообразования перешла от словарей, отражающих морфемный состав отдельных слов [8], к фиксации формально-семантических отношений в лексике в словарях гнездового типа [9, 10];

- направление погружения производных слов в текст, речевую деятельность; это направление имеет две разновидности: от текста (речи) как детерминанты словообразовательных процессов к производному слову (в теории словообразования данное направление связано с дериватологическими исследованиями Е.Л. Гинзбурга, Л.В. Сахарного, Л.Н. Мурзина) и от производного слова к его функционированию в тексте (О.И. Блинова, М.Н. Янценецкая, Н.Д. Голев и их ученики); в лексикографии это направление закреплено в «Мотивационном диалектном словаре» О.И. Блиновой [11], в котором зафиксированы ситуации актуализированных мотивационных отношений слов в текстах и метатекстах, произведенных носителями говоров, и отчасти в словаре А.А. Кретьова и Л.Н. Матыциной [12]²;

- направление погружения производных и непроизводных слов в языковое сознание носителей языка; это направление представлено в двух вариантах: в одном из них исследователь апеллирует к метаязыковому сознанию носителя, которому предпосылается задание

¹ Нетрудно предположить, что одной из причин отказа от использования принципа однокорневости при организации словарной статьи явилось сущностное расхождение презумпций отождествления слова по его семантике в лексике и словообразовании (морфемике); в структуре слова застывают генетические связи слова, которые часто уже не актуальны в его синхронном функционировании, поэтому объединение в одной статье слов типа *лизать* и *подлиза*, *овца* и *овчарка*, *полотно* и *полотенце*, *ворона* и *проворонить* и т.п. не может не осознаваться носителями языка как искусственное, даже несмотря на то, что на уровне метаязыкового сознания (или интуитивного ощущения) такая связь легко восстанавливается.

² Хотя словарь построен на лексике, извлеченной из текстов А.С. Пушкина, данные тексты в нем используются как источник материала, а не как пространство функционирования многоморфемного слова.

высказать мнение о мотивированности слова [13–23], в другом – осуществляется апелляция к произвольным показаниям языкового сознания, проявляющимся в ассоциативном эксперименте [24–26]. На показаниях обыденного метаязыкового сознания построены «Мотивационный словарь» О.И. Блиновой [11] и мотивационно-сопоставительный словарь А.С. Савенко [27, 28], произвольные мотивационно-ассоциативные связи слов на основе их внутренней формы отражают лексикографические проекты [6, 24, 25, 26, 29, 30].

Предложенный нами «Деривационно-ассоциативный словарь» (ДАС) является естественным продолжением тенденций к функционализации и динамизации русского словообразования как науки и усиления в нем антропоцентрического принципа верификации. Он построен на синтезе двух названных выше идей: идеи **текстового функционирования производных слов** и идеи произвольного действия деривационно-мотивационных механизмов **в языковом сознании**, и то и другое, на наш взгляд, органически включено в естественные процессы речепорождения и речевосприятия. Словообразовательная потенция языка реализуется, по В. Гумбольдту, в повседневном речепотреблении; механизмы деривационного функционирования слова являются естественным элементом общей языковой (порождающей речь) способности, ими владеют все носители русского языка, и их речевые проявления носят массовый характер, регулярно обнаруживающийся в тексте в виде непрерывного деривационно-мотивационного процесса [30]. Его выходы на поверхность наиболее заметны в тексте в тех случаях, когда выбор одного слова (как формально-семантической единицы) деривационно зависит от другого слова, в силу чего лексико-деривационные ряды пронизывают текст, скрепляя и системно организуя его наряду с парадигматическими (тематическими, синонимическими и др.) и синтагматическими рядами. Через опосредование текста лексическая дериватика представлена и в словаре как один из его системообразующих факторов.

Все сказанное объясняет актуальность выявления и лексикографического описания массовых проявлений деривационных рефлексий носителей русского языка, свидетельствующих о реальном потенциале деривационного функционирования лексических единиц русского языка и представляющих особенности его (потенциала) реализации.

Изучение деривационного потенциала слов в современной лингвистике строится в основном на материале двух источников: литературных текстов (или данных диалектологических картотек) и лексикографических (разного рода словарей). Новым источником сбора и лексикографического описания лексического материала является **лингвистический эксперимент**. Используя определение Ю.Д. Апресяна, можно сказать, что лингвистический эксперимент «имеет двоякое назначение. Во-первых, результаты эксперимента, наряду с текстовыми и другими данными, являются основанием для выводов о природе рассматриваемых фактов и для соответствующих лексикографических решений. Во-вторых, они определяют характер нормативных указаний о правилах употребления» [31. С. 21] лексических средств языка, в том числе дериватов.

Для экспериментального изучения деривационного потенциала лексических единиц была разработана специальная методика – деривационно-ассоциативный эксперимент (ДАЭ), идея которого была предложена нами в [30. С. 142–146; 32. С. 13–33]. Данная методика уже была апробирована в ряде работ [32–35]. В качестве основного лексикографического источника она использована в диссертационном исследовании Н.И. Дорониной (см.: [34, 35]).

Основу ДАЭ составляют лексико-деривационные контексты (ЛДК), которые в силу наличия у них определенных семантических, синтаксических и прагматических свойств обладают способностью включать (актуализировать) механизмы лексической деривации, например: *Если человека все время обвинять в глупости, он и в самом деле поглупеет; Об этом столько говорено-переговорено, что я, наверное, стотысячный говорильщик на эту тему; Не надо нам чужой демагогии: у нас своих демагогов хватает; Он дурак, и шутки его дурацкие; Жалобы они не читают, а самих жалобщиков гонят взащей*. Подробнее состав и свойства русских ЛДК см. в работе [32. С. 13–33].

Включение механизма лексической деривации обусловливается предъявлением ЛДК с лакуной (например: *Он дурак, и шутки его...*), которую и требуется восполнить с голоса экспериментатора или письменно в анкете посредством слова, «первого пришедшего на ум».

В процессе ДАЭ реципиент выступает одновременно и как субъект – говорящий / пишущий, и как субъект – слушающий / читающий. Функция реципиента как субъекта восприятия является во временном смысле первичной, поскольку ЛДК сначала воспринимается как звучащий / написанный; функция реципиента как субъекта порождения речи, соответственно, является вторичной. Именно восприятие текста и его компонентов определяет во многом дальнейшее деривационное поведение испытуемого. Важно подчеркнуть, что реципиент выполняет деривационные действия не в сугубо автоматическом формате, а совершает креативный акт продуцирования текста и его отдельных компонентов, в том числе – и это принципиально – означаемого многих лексических (номинативных) «заполнителей» позиций. В этом процессе отыскание адекватной семантической позиции для слова представляет собой естественную и неотъемлемую часть процесса текстопорождения, а не его (процесса) изолированный спонтанный фрагмент (акт). В эксперименте время выполнения задания максимально ограничено условиями эксперимента, в нем предлагается заполнить пропущенную позицию первым пришедшим на ум словом или словосочетанием, в этот период информант как бы додумывает замысел предполагаемого автора. Это вполне обыкновенно для спонтанной коммуникации, о чем, в частности, говорят паузы в ходе построения текста, свидетельствующие именно о поиске слова [36. С. 50–51]. Особую роль играет контекст самого высказывания. Так, контекст формирует означаемое элиминированной лексической единицы [37], и в ряде случаев сказанное как бы «тянет» за собой последующие языковые единицы и конструкции – уже готовые коммуникативные фрагменты.

Данный эксперимент проводился с аудиторией разного возраста, разных профессий и разного социального статуса, поскольку целью эксперимента было изучение лексико-деривационных механизмов, свойственных всем носителям русского языка.

3

Лексико-деривативные контексты (ЛДК) представляют собой наиболее мощный канал, по которому деривационная энергия текста переходит на отдельные лексические единицы, переводимые из сферы словаря (готовых, целостных единиц) в сферу порождаемых еди-

ниц текста. Попадая в их орбиту, лексические единицы обнаруживают и реализуют потенциал деривационного функционирования либо в качестве дериваторов, либо в качестве дериватов.

На поверхности действие ЛДК проявляется в высокой степени вероятности выхода в позициях производимости именно лексических дериватов – порождаемых от тех или иных единиц данного или предшествующих данному контекстов. Степень прогнозируемости выхода формально-семантических дериватов в ЛДК значительно превышает среднестатистические возможности детерминации определенных дериватов в обычных контекстах. Ср. обмен репликами персонажей «Ракового корпуса» А. Солженицына:

– ***Просветы** тоже нужны.*

– *На кой они, **просветы**?*

– *На то и **просветы**, чтобы **просветлять**.*

Последняя фраза представляет собой ЛДК, который содержит энергетический фокус производимости, проецируемый на лексико-деривационный ряд предшествующего текста, каждый последующий член которого представляет собой лексический дериват по отношению ко всему актуализированному в тексте ЛДК. В психолингвистическом плане слово *просветляться* – деривационный рефлекс слова *просвет(ы)*. Вероятность выхода дериватов, формально и семантически детерминированных предшествующим текстом (*просветлять, просветить, светить* или *просвещать*), в заключительной фразе «*На то и **просветы**, чтобы...*» достаточно велика¹. Она значительно выше, чем вероятность супплетивных заполнителей соответствующей позиции, например, таких, как *озарять, вдохновлять, поминать* и т.п.: они не соответствуют структурно-семантическим и прагматическим (коммуникативно-интенциональным) свойствам контекста, ориентирующего «субъекта контекста» именно на формально-семантическую деривацию (= продление, развитие лексико-деривационного ряда). То обстоятельство, что деривационный выход *просветлять* не является строгим формально-словообразовательным выходом (это факт не реализации словарной эпидигматики, а окказиональной² эпидигматизации заполняемой позиции), говорит о силе

¹ В психолингвистическом плане слово *просветляться* – деривационный рефлекс слова *просвет(ы)*.

² Заметим, что окказионально-речевая дериватизация может естественным образом трансформироваться в системно-языковую и узуальную – в факты народной этимологии и

данного ЛДК, о наличии соответствующих коммуникативных интенций у говорящего.

Названные свойства ЛДК позволяют использовать их в качестве контекста-стимула в ассоциативно-деривационном эксперименте – надежном способе для решения многих задач деривационной лексикологии. Заполнение пропуска в позиции перспективной или ретро-спективной производимости испытуемыми дает возможность увидеть характер детерминации со стороны деривационной энергетики контексты через ЛДК как ее проводники на прямую или обратную производимость слова. Таким образом можно, например, использовать в эксперименте контексты из романа М. Булгакова: *И без того худой финдиректор как будто еще более похудел* (перспективная производимость) и *Загадочный профессор скривил и без того кривой рот и пожал плечами* (ретроспективная производимость). Заполнение испытуемыми пропусков на месте дериватов *похудел* (первый контекст) и *кривой* (второй контекст) показывает, что вероятность появления на выходе именно этих дериватов весьма высока – 80 и 85%.

Причина деривационной силы данных ЛДК очевидна: это компаративная интенция, сводящая сравниваемые понятия в лексико-деривационном ряду *скривил – кривой*. Известно, что компаративность в русском языке выражается несупплетивным способом¹, что и создает высокую прогнозируемость появления формально выраженных дериватов в данных контекстах. Ср. следующий отрывок из поэмы В. Маяковского «Во весь голос»: *Умри мой стих, **умри**, как рядовой, как безымянные на штурмах **мерли** наши*. Появлению в данном контексте слова *мерли*, стилистически выпадающего из всей фразы, можно дать деривационное объяснение – скорее всего, поэт отдался здесь «воле» компаративного контекста и лексико-деривационного ряда «*умри – мерли*». Замена *мерли* на, скажем, *гибли* нарушает онтологическое единство данного речевого произведения. Все это лишний раз говорит об органической встроенности эпидигматики (лексической дериватики) в динамическую системность разворачивающегося текста и ее функциональной значимости в нем,

установления новых связей, которые достаточно регулярны в русском языке (см.: [11. С. 100–118; 35].

¹ Исключения здесь (*хорошо – лучше, много – больше, плохо – хуже*) лишь подтверждают данное правило.

а не просто пассивной регистрации в тексте словарной системности, отражающей генетические связи слова.

4

В качестве стимула в ДАЭ выступает, с одной стороны, ЛДК, с другой стороны, конкретное слово, которое ставится в позицию актуального деривационного фокуса, детерминирующего выход слова-реакции как варианта заполнения имеющейся лакуны. Роль лакуны заключается в стимулировании деривационно-ассоциативных реакций, способствующих восполнению ЛДК и приданию ему завершенности. Таким образом, функциональные свойства ЛДК заключаются в его целевом назначении: актуализировать имеющийся потенциал и восстановить элиминированную единицу, по которой можно было бы определить характер деривационного функционирования лексических единиц.

ДАС строится по принципу ассоциативных словарей. Это касается и способа сбора материала (предъявление испытуемому единицы-стимула, реакция на него) и его подачи в словаре как поля ассоциаций, в котором слова располагаются по частотности, где наиболее частотные реакции претендуют на статус ядерных).

Особенностью проводимого деривационно-ассоциативного эксперимента является то, что в качестве единицы-стимула выступает фраза-стимул. На наш взгляд, набор их ограничен (исчислим), разумеется, если иметь в виду уровень текстов-примитивов, представленных как одна деривационная пропозиция.

С точки зрения деривации принципиально разделять контексты с перспективной направленностью (от семантически простого к сложному, от частотного к периферийному) и ретроспективной направленностью (от сложного к простому, от маркированного к немаркированному, от объясняемого слова к объясняющему). Примеры перспективных контекстов-пропозиций: **Каков ..., таков и ...**; например, **каков автомобиль (машина, трактор), таков и** с возможными выходами **автомобилист, хозяин (машинист, тракторист)**; **зарядил – буду ... Во ведь какой ... нашелся!** Например, **зарядил буду учиться (летать, учить)** с возможными выходами **ученик, студент (летчик, учитель)**; **Тебя же кто-нибудь ...! – Не родился на меня еще такой ...** Например: – **Тебя же кто-нибудь побьет! – Не родил-**

ся на меня еще такой побивальщик (побиватель, силач)! Очевидно, что ретроспективные контексты в значительно большей степени предполагают участие метаязыкового сознания, что связано с гиперпропозицией «объяснение» (сложного через простое, менее известное через более известное).

Примеры ретроспективных контекстов: *На то он и ... , чтобы ...* Например: *На то он и машинист, чтобы машину водить; Так из за чего же было нужно ... ? – Как зачем? Именно из-за ...* Например: *...Так из за чего же нужно было обезболивание? – Как зачем? Именно из-за боли; Раньше его называли ... – Значит, он на самом деле ...* Например: *– Раньше его называли защитником. – Значит, он на самом деле защищал; А к нам прислали ..., наверное, думают, что у нас тут для них много ...* Например: *А к нам прислали автомобилистов (водителей, машинистов, трактористов), наверное, думают, что у нас тут для них много автомобилей (машин, тракторов).*

Возможно построение набора реакций на контекст-стимул (в этом случае предметом описания выступает деривационный потенциал контекста или всего набора контекстов стимула). Точкой отсчета для «собственно» лексикографа, на наш взгляд, должно выступать **слово**, для которого подбирается или создается контекст-стимул или набор контекстов-стимулов. Далее для иллюстрации сказанного приводятся пары слов с подобранными (созданными) для них ЛДК, актуализирующими то или иное направление деривации.

Перспективное направление деривации

АТАКА – АТАКЕР: *Ну что, братишка, атаки испугался? – Да брось. Лучшие скажи, много их там осталось, этих самых атакеров?*

БОГ – БОГОВО: *Богу – богово, а кесарю – кесарево.*

ГОВОРИТЬ – ГОВОРИЛЬЩИК: *Об этом столько говорено-переговорено, что я, наверное, стотысячный говорильщик на эту тему.*

ДЕМАГОГИЯ – ДЕМАГОГ: *Не надо нам чужой демагогии: у нас своих демагогов хватает.*

ДУРАК – ДУРАЦКИЙ: *Он дурак, и шутки его дурацкие.*

ЖАЛОБА – ЖАЛОБЩИК: **Жалобы** они не читают, а самих **жалобщиков** взашей гонят.

ЖИВОТНОЕ – ЖИВОТНОВОД: – Пашка, ты ни о чем, кроме своих **животных**, и не думаешь. – Алексей Андреич, кто-то же должен быть **животноводом**.

ЗАБОЛЕТЬ – БОЛЕЛЬЩИК: **Заболел** я вашим рассказом, вот и все. И как всякий **болельщик**, кричу: «Еще гол!»

ЗАЩИТНИК – НЕЗАЩИЩЕННЫЙ: Но не парадоксально ли, что **защитники** конституционного строя оказались одними из **самых незащищенных**?

ИГРАТЬ – ЗАИГРЫВАТЬСЯ: **Играй**, да не **заигрывайся**.

КАМЕНЬ – КАМЕНЩИК: – Вот Виктор придет и разберется с твоими **каменьями**. – Да какой из Виктора **каменщик**!

КОСМОС – КОСМОНАВТ: Как же, не побывав в **космосе**, не коснувшись рукою звезд, можно стать **космонавтом**?

КОШКА – КОШАТНИК: Эллочка наша **кошек** возлюбила. Я думала, на свете таких **кошатников** не бывает.

КРАСНЫЙ – ПОКРАСНЕТЬ: – У Васи, как услышал про то, лицо стало **красным**. – Ну да! Дождешься от него. **Покраснеет**, как же...

ЛОШАДКА – ЛОШАДОЧНИК: Как ни приду с ним в «Детский мир», сразу канючит – купи да купи **лошадочку**. Такой вот **лошадочник**.

НОЧНОЙ – НОЧЬ: О каком **ночном** шуме ты говоришь? У нас никто **по ночам** не шумит!

ОБОРУДОВАТЬ – ОБОРУДОВАННО: На производстве он все может **оборудовать**, но сам прожил свою жизнь не слишком-то **оборудованно**.

РАССУДИТЬ – СУДЬЯ: – Вот придет Виктор и все **рассудит**. – Да брось ты! Какой из него **судья**!

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ – ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ: Мы назвали перестройку **революционным** процессом, значит, и действовать надо **по-революционному**.

РОМАН – РОМАНИСТКА: А моя Светка к **романам** пристрастилась. Одни **романы** на уме. Я ей говорю: твои **романы** никто, кроме тебя, наверно, и не читает. А она говорит: «Знаешь, мам, сколько у нас в классе таких **романисток**».

СЖИМАТЬ – СЖАТЫЙ: Честное слово, я доклад не *сжимал*, сам не знаю, почему он получился *сжатым*.

СКУЧНО – ЗАСКУЧАЕШЬ: – Не кажется ли вам, что ребятам на уроке было *скучно*? – Семь двоек за урок. Тут, знаете ли, *заскучаешь*.

СООБРАЗИТЬ – НЕСООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ: Странные вещи ты делаешь, Юра. Неужели *сообразить* не можешь, что они тебе же во вред. Вот ведь какой *несообразительный*.

СТЕСНЯТЬСЯ – СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ: – Я, знаете ли, *стесняюсь*. – *Стеснительный* ты наш...

ТАБАК – АНТИТАБАЧНЫЙ: В наше время много говорят о вреде алкоголя, но ведь *табак* представляет собой не меньшую опасность. А в школе *антитабачной* пропаганде уделяют очень мало внимания.

ТОВАРИЩ – ПО-ТОВАРИЩЕСКИ: Раз ты считаешь меня своим *товарищем*, то почему поступаешь не *по-товарищески*?

УСЛЫШАТЬ – СЛУХАЧ: – Ты думаешь, тебя могут *услышать*? – Ха-ха! Не родился на меня еще такой *слухач*!

УЧЕНЫЕ – НЕУЧЕНЫЙ: *Учение* – свет, а *неученых* – тьма.

УЧИТЬ – ВЫУЧИТЬ: Меня не интересует, *учил* ли ты; меня интересует, *выучил* ли?

УЧИТЬСЯ – УЧЕНЫЙ: С детского сада зарядил: хочу *учиться* – и все. Вот ведь какой *ученый* нашелся!

ХУЛИГАН – ХУЛИГАНСКИЙ: Говорят, он *хулиган*, но я в его действиях не нахожу ничего *хулиганского*.

ШУМЕТЬ – ШУМ: Они *шумели* так, что *шум* их докучал соседям.

Я – ЯКАТЬ: Все «я!», «я!», «я!». Хватит *якать-то*!

Ретроспективное направление деривации

БАБАХНУТЬ – БАБАХ!: Вдали *бабахнуло*, и эхо не успело смолкнуть, как снова раздалось «*бабах!*»

БАНДА – БАНДИТ: Потому это и *банда*, что в ней одни *бандиты*.

БЕЗРЫБЬЕ – РЫБА: На *безрыбье* и рак *рыба*.

БЕРЕЧЬ – БЕРЕЖЕНЫЙ: *Береженого* бог *бережет*.

«БУЯН» – БУЯНИТЬ: *И дали ему прозвище «Буйан». Тут не захочешь, а забуйнишь.*

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ – ВЫКЛЮЧАТЬ: – Ты что без конца **выключателем** щелкаешь? – Как что? Чтобы **выключать**.

ГЛУПОСТЬ – ПОГЛУПЕТЬ: *Если человека все время обвинять в глупости, он и в самом деле поглупеет.*

ДЕМАГОГИЯ – ДЕМАГОГ: Не надо нам чужой **демагогии**: у нас своих **демагогов** хватает.

ИНАКОМЫСЛИЕ – МЫСЛЬ: Без **инакомыслия** нет и **мысли**.

КАМЕНЩИК – КАМЕНЬ: *На то он и каменщик, чтобы камни таскать.*

МАШИНИСТ – МАШИНА: Каковы **машинисты**, таковы и **машины**.

НАДСТРОЕЧНЫЙ – НАДСТРАИВАТЬ: **Надстроечные** институты могут существовать, если есть над чем **надстраивать**.

НАХЛЕБНИК – ХЛЕБ: *Это он-то у вас был нахлебник?! Да вы хоть хлеба ему давали? «Нахлебник», ну и ну...*

ОТКАТЧИК – ОТКАТИТЬ: – К нам еще и **откатчиков** при-
слать собираются... – Да? У нас что? Есть что **откатывать**?!

ОТЧАЯННЫЙ – ОТЧАЯНИЕ: – Чем же вызван сей **отчаянный** шаг? – Как чем? Именно **отчаянием** и вызван.

ОЧЕРНИТЬ – ЧЕРНЫЙ: Как можно **очернить** нашу жизнь, которая и без того **черная**?

ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ – ПЕРЕКЛЮЧИТЬ: Твоим **переключателем** не то что свет **переключить**, до него и дотронуться-то страшно.

ПУСТОМЕЛЯ – ИЗМОЛОТЬ: Не зря говорят – **пустомеля**: язык уже себе **измолот**.

РАБСТВО – РАБЫ: Мы, борясь с **рабством**, сами еще **рабы**.

РАЗДУТЫЙ – РАЗДУТЬСЯ: Вот говорят штаты у нас **раздуты**. Да как же им не **раздуться**?!

РЫБАК – РЫБКА: Тоже мне **рыбак** – рыбки не **видали**.

СВИДЕТЕЛЬ – ВИДЕТЬ: Говорят **свидетель, свидетель**. Тут поверишь сам, что что-то **видел**.

СЖАТЫЙ – СЖИМАТЬ: Доклад и так получился **сжатым**, куда уж дальше **сжимать**.

СПАСИБО – СПАСЕНИЕ: Как же это приятно, когда случайный прохожий говорит «пожалуйста» и «**спасибо**», точно в самом деле желает тебе **спасения**.

УЖЕСТОЧЕНИЕ – ЖЕСТОКИЙ: Лидер призвал к **ужесточению** репрессий, которые и без того были **жестокими**.

ЦЕЛИТЕЛЬ – ИСЦЕЛИЛ: И кого этот **целитель** хоть однажды **исцелил**?

ЧУДАК – ЧУДНОЙ: «**Чудак**», – как-то некстати брякнул я. Он удивился: «А что в этом **чудного**?»

ЧУДОТВОРЕЦ – ЧУДО: Категорически протестую против «**чудотворца**»: если я вылечил кого-то, от кого отказалась официальная медицина, то это еще не означает, что я совершил **чудо**.

ШКОЛЬНИК – ШКОЛА: Итак, теперь ты **школьник**. Это значит, что **школа** для тебя теперь – самое главное.

ШУМ – ШУМЕТЬ: О каком ночном **шуме** ты говоришь? У нас никто по ночам не **шумит**.

Достаточно очевидно, что приведенные ЛДК представляют собой разные типы деривации, разную степень детерминирующего воздействия со стороны всего контекста и непосредственного слова-дериватора. Типология ЛДК по этим (и другим) основаниям – важнейшая задача теоретической текстодериватологии и деривационной лексикологии. Не менее важная задача связана с преобразованием сложных контекстов в ЛДК-примитивы, состоящие из одной деривационной пропозиции. В том виде, в каком ЛДК предложены нами, они в своем большинстве представляют пропозиции, осложненные дополнительными семантическими и прагматическими компонентами, которые, разумеется, имеют тенденцию формировать собственные пропозиции и тем самым значительно расширять диапазон выходов ДАЭ¹. Вероятно, без решения проблемы исчисления ЛДК-примитивов трудно рассчитывать на полноценно системное воплощение деривационно-ассоциативного словаря.

Тем не менее уже имеющиеся представления о ЛДК позволяют однозначно говорить о том, что они являются, во-первых, реальным

¹ Впрочем, избежать момента полипропозициональности деривационных выходов эксперимента, по-видимому, в принципе нельзя, поскольку испытуемый невольно достраивает абстрактный контекст-примитив до реального, он реконструирует какую-то определенную коммуникативную ситуацию, поэтому проявления «чистой семантики» могут выступать лишь как тенденция.

феноменом языка-речи. Например, даже мысленный эксперимент с заполнением лакун в двух контекстах – *Ты зачем столько выключателей приобрел? – Как зачем? Чтобы...* и – *На то это и выключатель, чтобы ...* показывает, что первый контекст является обычным; он провоцирует заполнение пропуска, исходя из актуальной семантики слова и ситуативного смысла контекста, тогда как второй контекст в большей мере предполагает фиксацию внимания на внутренней форме слова и актуализацию его деривационных связей в ретроспективном направлении; вместе с тем второй контекст активизирует метаязыковое сознание, что со всей очевидностью стимулирует более активный выход семы «выключать» (как выраженной, так и невыраженной). Во-вторых, важным инструментом лингвиста при познании и описании сущности лексико-деривационного потенциала каждого слова русского языка, в том числе лексикографического описания. На «эксплуатации» деривационной способности ЛДК и строится идея «Деривационно-ассоциативного словаря».

5

Микроструктуру «Деривационно-ассоциативного словаря» представляют собственно словарные статьи, приводимые в порядке алфавитного следования слов-стимулов и обладающие своей собственной структурой.

Каждая словарная статья состоит из слова-стимула, данного в начальной форме, ЛДК, в составе которого оно предлагалось в ДАЭ, списка слов-реакций и статистической справки по качеству и количеству реакций. Слова-реакции расположены по мере убывания их частоты, которая указывается после каждой реакции. Реакции с одной частотой приводятся в алфавитном порядке по первому слову, поскольку не все реакции являются однословными. Например:

АНЕСТЕЗИЯ

РЛДК¹: **Какая же это анестезия, если...** *Больно* – 27, *болит* – 4, *все болит* – 4. Отказ – 2.

КАМЕНЬ --- (КАМЕНЩИК)²

ПЛДК¹: – **Вот Виктор и разберется с камнями.**

¹ Ретроспективный лексико-деривационный контекст.

² В скобках помещается слово, детерминируемое контекстом. Это особенно важно в том случае, если ПЛДК создается специально для детерминации данного слова.

– Да ну, какой из Виктора ...

Каменищик – 13, камнетес – 4, ювелир – 3, разбиратель – 2, строитель – 2, выбросит их со двора, гладиатор, дизайнер, камнетес, камнесобиратель, камень, камнесборщик камнеразборщик, камневод, разбежался!, разбиральщик, собиратель, спортсмен, строитель дороги – 1. Отказ – 3.

ОБЕЗБОЛИВАНИЕ --- (БОЛЬ, ОБЕЗБОЛИВАТЬ)

РЛДК: А по-моему, этот твой хваленый аппарат для обезбо-
ливания нисколько даже не ...

Помогает – 31, обезболивает – 15, действует – 13, аппара-
тит – 1, аппарирует – 1. Отказ – 1.

СТУДЕНТ --- (...?)

РЛДК: На то и студент, чтобы ...

Учиться – 12, учить – 3, не спать ночами – 2, прогуливать – 2, балдеть, быть удачливым, в долгах быть, в маршрутках толкаться, веселиться, все успевать, все учить, всегда учиться, грызть науку, дурака валять, есть, мало есть, много есть, много учить, на лекции ходить, не выспаться, писать лекции, сессию сдавать, спать, студиться – 1. Отказ – 2.

ТАБАК --- (АНТИТАБАЧНЫЙ)

ПЛДК: Табак вреден, а в школе плохо ведется ... пропаганда

Антитабачная – 7, табачная – 5, эта – 5, данная – 3, активная – 2, здоровая – 2, вредная, оздоровительная, отрицательная, наркотическая, сигаретная, такая, действенная, подобная, до сих пор – 1². Отказ – 2.

УСЛЫШАТЬ --- (СЛУШАТЕЛЬ, СЛУХАЧ)

ПЛДК: – А ты не боишься, что тебя могут услышать?

– Ха-ха! Не родился еще такой ...!

Человек – 7, слухач – 6, слушатель – 3, наглец – 2, наглый – 2, слыхун – 2, слышатель – 2, слыхач – 2, самоуверенный, такой, кто меня поймет, такой человек, которого бы я боялась, услышиватель, ухогорлонос, человек, который слышит шаги через стены, Чебурашка, человек, который осмелился бы меня подслушать, шпион – 1. Отказ – 4.

¹ Перспективный лексико-деривационный контекст.

² Цифра «1» здесь и далее относится к каждой из последних в словарной статье реакций.

ШКОЛЬНИК --- (ШКОЛА)**РЛДК: Да какой он школьник, если ...**

Не учится – 5, в школу не ходит – 5, не знает где школа – 2, в школу ходит – 2, двух слов связать не может, дерется, ему давно 18, ему 27, ему – 30, на горшок ходит, не вырос из-за стола, не готовит уроки, не помнит где его школа, не умеет разборчиво писать, не учит ничего, ни разу не сбежал с урока, ничего не знает, он пьет, он конспиратор, от горика два вершка, прогуливает, у него еще усы не растут, уроки не прогуливал, формы нет, ходит в детский сад – 1. Отказ – 0.

ШКОЛА --- (ШКОЛЬНИК)

ПЛДК: С детского сада зарядил: «хочу учиться в школе!» Вот ведь какой ... нашелся!

Умный – 7, упорный – 6, умник – 6, настойчивый – 5, умница – 5, ученик – 5, молодец – 4, школьник – 4, вундеркинд – 3, дурак – 2, настырный – 2, грамотей – 2, любознательный, вредный, идиот, болван, дурачок, простой и светлый, глупый, чудак, негодяй, бесенок, умненький, умненький мальчик, интеллигент, зануда, упрямый, хо-чушник, пожелатель – 1. Отказ – 1.

Макроструктуру словарной статьи представляет объединение ассоциативных полей одной деривационной пары слов, полученных в разных деривативных контекстах. Гиперструктуру представляет объединение ассоциативных полей одного слова, входящего в разные пары.

6

«Деривационно-ассоциативный словарь», основанный на массовом эксперименте с носителями языка, демонстрирует не только особенности системно-статического плана деривации, но и отражает особенности обыденного языкового сознания, частью которого является лексико-деривационная языковая способность, и особенности реализации деривационных отношений в условиях речи. По данным «Деривационно-ассоциативного словаря» можно судить о способности языковой личности порождать дериваты различной степени сложности (от слова до текста); о реальных и потенциальных деривационных процессах, протекающих в языке и речи; о способах реализации системного потенциала языковых единиц; о стратегиях выбора того или иного слова в процессе речевой деятельности индивида и т.д.

На более общем уровне словарь может внести вклад в понимание глубинных деривационных процессов в речи. В литературе неоднократно высказывалась мысль о самодетерминации языко-речевой материи: тезис А.Р. Лурия о речемыслительном процессе как «влипании» предыдущей фразы в последующую [39. С. 237]; положение Н.И. Жинкина о том, что всякое последующее в тексте является функцией предшествующего [40. С. 244–245]; замечание С.Д. Кацнельсона о нормальном ходе коммуникации как постепенном продвижении от известного к неизвестному [41]. «Говорящий может передать слушающему новую информацию, отталкиваясь от заранее известных последнему данных и сведений, ставших известными в ходе самой коммуникации» [42. С. 84].

На более поверхностном уровне словарь демонстрирует разнообразие реакций, что может стать важным материалом для исследований в самых различных аспектах.

Реакции отличаются друг от друга не только количественно, но и качественно. По существу, все реакции являются деривационными, поскольку представляют собой результирующий компонент деривации текста (высказывания). Однако реакции находятся в разных отношениях к стимулирующему материалу. Часть из них являются собственно семантическими ассоциациями, т.е. реципиенты реагируют на смысл ЛДК или на семантику его отдельных компонентов. Другая часть – это формально-семантические ассоциации, т.е. ассоциации, обусловленные не только семантикой, но и формой (структурой) элементов ЛДК, и слова-стимула в частности. О существовании чисто формальных ассоциаций следует говорить с достаточной степенью условности, поскольку в контексте формальная ассоциация получает семантическое наращение, не противоречащее общему смыслу высказывания.

Большой интерес для дериватологии представляет сравнение данных, полученных в результате ДАЭ, и данных по тому же слову, полученных в свободном эксперименте, поскольку такое сравнение может показать угол отклонения деривационного (направленного) ассоциирования от ассоциирования ненаправленного.

Механизм развития языко-речевой материи на основе предшествующей формально-семантической базы и включенность предшествующего в последующее мы связываем с суппозитивной функцией

единиц текста. Суппозитивная¹ функция всеобъемлюща по отношению к языко-речевой материи как в тексте, так и в словаре. Ранее мы связали ее с явлением мотивации – «...текстовая мотивация номинативных единиц, обеспечивающая «представительство» мотиватора в мотивате и, следовательно, возможность обратной трансформации, является лишь частным случаем универсальной суппозитивной функции» [30. С. 29]. Необходимость данной функции не исчезает с образованием (первичным, вторичным, третичным и т.д.) слова в тексте. Слово, несущее потенциал обуславливаемого и обуславливающего, в речевой деятельности оказывается вовлеченным в непрерывный деривационно-мотивационный процесс², в рамках которого осуществляется производимость означаемого, производимость «более высоких по рангу единиц» (предложений, текстов), в которых дериватизируются / функционируют мотивированные слова.

Особая тема – **варьирование** ЛДК в эксперименте. Цели и рамки статьи не предполагают представить ее с достаточной полнотой. Укажем лишь, что параметры варьирования, число которых в принципе не ограничено, определяют целевые установки исследования (подробнее см.: [10, 11, 14]). В тексте словаря каждый вариант ЛДК при слове-стимуле обозначается соответствующей цифрой-индексом. Лексико-деривационный эксперимент с ЛДК с ретроспективной направленностью позволяет ставить и решать вопрос о степени мотивированности слов на основании количества выходов формально-семантических ассоциаций. Большой интерес представляет различие типов актуализированных значений: сигнификативно-

¹ Термин «суппозиция» в значении «опираться на то, что известно адресатам» используется Б.В. Якушиным при описании создания языковых инноваций в первобытных обществах [44. С. 120]. Нами ранее было введено понятие суппозитивной функции – важнейшей функции языкового сознания, спроецированной на свойства языко-речевой материи, заключающейся в суппозитивном обеспечении процессов речевой деривации, в необходимой опоре деривации на данное, известное, во включении данного, известного в созданные в результате деривации речевые единицы [30. С. 14–15].

² Понятие непрерывного деривационно-мотивационного процесса введено нами для описания мотивационных процессов в лексике, которые рассматриваются в аспекте взаимодействия планов создания и функционирования слова. Планы создания и функционирования не разываются и не противопоставляются, а выступают частями непрерывного деривационно-мотивационного процесса. Основой такого взаимодействия является «последовательная и попеременная смена звеньев от создания слова к его функционированию (слово является источником новых порождений) и параллелизм данных направлений» [30. С. 32–39]. См. также [43].

го, денотативного или ситуативного; понятийного или концептного; узуального или создаваемого для данной ситуации¹. Наконец, эксперимент и словарь имеют лингвоперсонологическую значимость: уже первые опыты осуществления лексико-деривационного эксперимента показывают возможность выявления разных типов языковой способности, в частности способности некоторой части носителей языка фиксировать внимание на внутренней форме слова, тогда как другая часть обнаруживает склонность к «незамечанию» внутренней формы, растворению ее семантики в актуальных смыслах слова и контекста. Весьма заметна и склонность одних носителей языка к употреблению в контекстах, провоцирующих новообразования, только узуальных слов, тогда как другая (меньшая) их часть весьма активно использует на выходе лексические окказионализмы. Значительным числом в эксперименте представлены описательные выходы (словосочетания, фразы), особенно активны они в ситуации открытого конца контекста стимула, возникающего в заданиях типа «продолжить фразу» (см. примеры в статье «ШКОЛЬНИК – (ШКОЛА)»).

Литература

1. Зайкова Е.С. Русская деривационная лексикография: история, теория, практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
2. Голев Н.Д., Доронина Н.И. Деривационно-ассоциативный словарь русского языка // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания: сб. науч. тр. в честь профессора Л.А. Шкатовой. – Челябинск, 1999. – С. 276–282.
3. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 24 с.
4. Дериватология и дериватография литературной нормы и научного стиля: сб. науч. тр. / под ред. Б.И. Барткова, Р.Г. Зятковской, Л.И. Минина; Академия наук СССР. Дальневосточный научный центр. Кафедра иностранных языков ДВНЦ АН СССР, 1984. – 205 с.
5. Блинова О. И. Лексикографический аспект сопоставительной мотивологии // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики. – Екатеринбург, 1996. С. 14–24.

¹ ЛДЭ ясно показывает, что заполнение пропуска – это не только процесс подбора подходящих единиц плана выражения, но и процесс создания означаемого, «вытекающего» из понимания всего контекста и органически «втекающего» в позицию пропуска, что является органической частью когнитивной гармонии и смыслового согласования при естественном текстопорождении. Е.Г. Гусар в своей диссертации [37], выполненной под нашим руководством, раскрывает механизмы, детерминирующие такие процессы.

6. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 205–264.

7. *Словарь современного русского языка*: в 17 т. – М., 1951. – Т. 1–2.

8. Мейеров В.Ф., Шкляров В.Т. Русское слово в составе словообразовательного гнезда. – Вып. 1. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 224 с.

9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 1. – 855 с.; Т. 2. – 886 с.

10. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – 3-е изд. – М.: Культура и традиции, 1996. – 576 с.

11. *Мотивационный диалектный словарь* (Говоры Среднего Приобья): в 2 т. / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. – Т. 1. – 267 с.; Т. 2. – 243 с.

12. Кретов А.А., Матыцина Л.Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина: ок. 23.000 слов. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1999. – 208 с.

13. Антипов А.Г. Морфонологические модели русского словообразования (на материале метаязыковой фантазии коммуникантов) // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 89–93.

15. Денисова Э.П. Экспериментальное моделирование иконичности словообразовательной формы производного слова (на материале окказиональной деривации) // Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство. – М., 2011. – С. 317–380.

16. Жакупова А.Д. Информативные возможности многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря как словаря нового типа // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №3 (15). – С. 38–44.

17. Жакупова А.Д. Концепция многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов // Коммуникативные аспекты прагматики и текста. – Жешув, 2009. – С. 44–54.

18. Катышев П.А. Полимотивированность деривата как показатель интенсивности русского языкового мышления // Актуальные проблемы современного словообразования. – Томск, 2006. – С. 67–91.

19. Оленев С.В. Способы словообразования в лингвоперсонологическом измерении (на материале симулятивного психолингвистического эксперимента) // Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство. – М., 2011. – С. 266–280.

20. Савенко А.С. Лексикографический аспект явления мотивации слов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 9. – С. 141–145.

21. Тубалова И.В. Отражение лексической мотивированности слова в показателях языкового сознания // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Томск, 1995. – Вып. 4. – С. 96–100.

22. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слова: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. – 23 с.

23. Адилова А. Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996. – 24 с.

24. Голев Н.Д. Мотивационно-ассоциативный словарь: теоретические основания и лексикографическая концепция // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №3 (15). – С. 17–30.

25. *Голев Н.Д.* Лексикографирование мотивационного и лексического значений мотивированного (производного) слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 246–251.

26. *Пересыпкина О. Н.* Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. – 25 с.

27. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М.: Ленанд, 2012. – 198 с.

28. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Фитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М.: Ленанд, 2012. – 186 с.

29. *Восприятие лингвистических единиц как фактор формирования коммуникативных стереотипов: исследование по гранту в области гуманитарных наук при Уральском университете / науч. рук. Н.Д. Голев (Отчет № 02960001387 от 15 января 1996 г.).* Рукопись. 230 с.

30. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.

31. *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – Вып. 1. – М., 1999.

32. *Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка / под ред. Н.Д. Голева.* – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – 251 с.

33. *Голев Н.Д.* Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 83–85.

34. *Доронина Н.И.* О проекте «Словаря деривационных ассоциаций слов русского языка» // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: в 2 т. – Бийск, 1998. – Т. 2. – С. 290–295.

35. *Доронина Н.И., Москальчук Г.Г.* К вопросу о планировании лингвистического эксперимента // Художественный текст: варианты интерпретации. – Бийск, 1998. – С. 23–31.

36. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 19–26.

37. *Гусар Е.Г.* Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1995. – 21 с.

38. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.

39. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.

40. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – №6. – С. 26–38.

41. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – М.; Л.: Наука, 1973. – 213 с.

42. *Гак В.Г.* К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 73–92.

43. *Трубников Ю.В.* Лексико-деривационные основания моделирования текста. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 180 с.

44. *Якушин В.В.* Гипотезы о происхождении языка. – М.: Наука, 1985. – 185 с.